

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Воскресенье, 15-го ноября 1909 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ПРИБАВЛЕНИЕ КЪ № 9840.

ПРИЗРАКИ.

Leconte de Lisle.

Три призрака блестаютъ, какъ сквозь сонъ.
Я снова вижу лучъ потеряннаго рая,
Нездѣшнею надеждой окрыленъ.
„О вы, къ кому летить моя мольба
нѣмая,
Любимыя! себя отдайте мнѣ назадъ.
Безъ васъ мой нѣжный міръ блѣд-
нѣетъ, умирая.
О, бросьте хоть одинъ вашъ преж-
ній тихій взглядъ,
Забытый вашими усталыми глазами.
Разлейте вашихъ косъ влюбленный ароматъ“.
Но гаситъ ночь зари вечерней пламя,
И молчаливые, какъ тусклый небо-
склонъ,
Обвитые туманными фатами,
Три призрака блестаютъ, какъ сквозь сонъ.

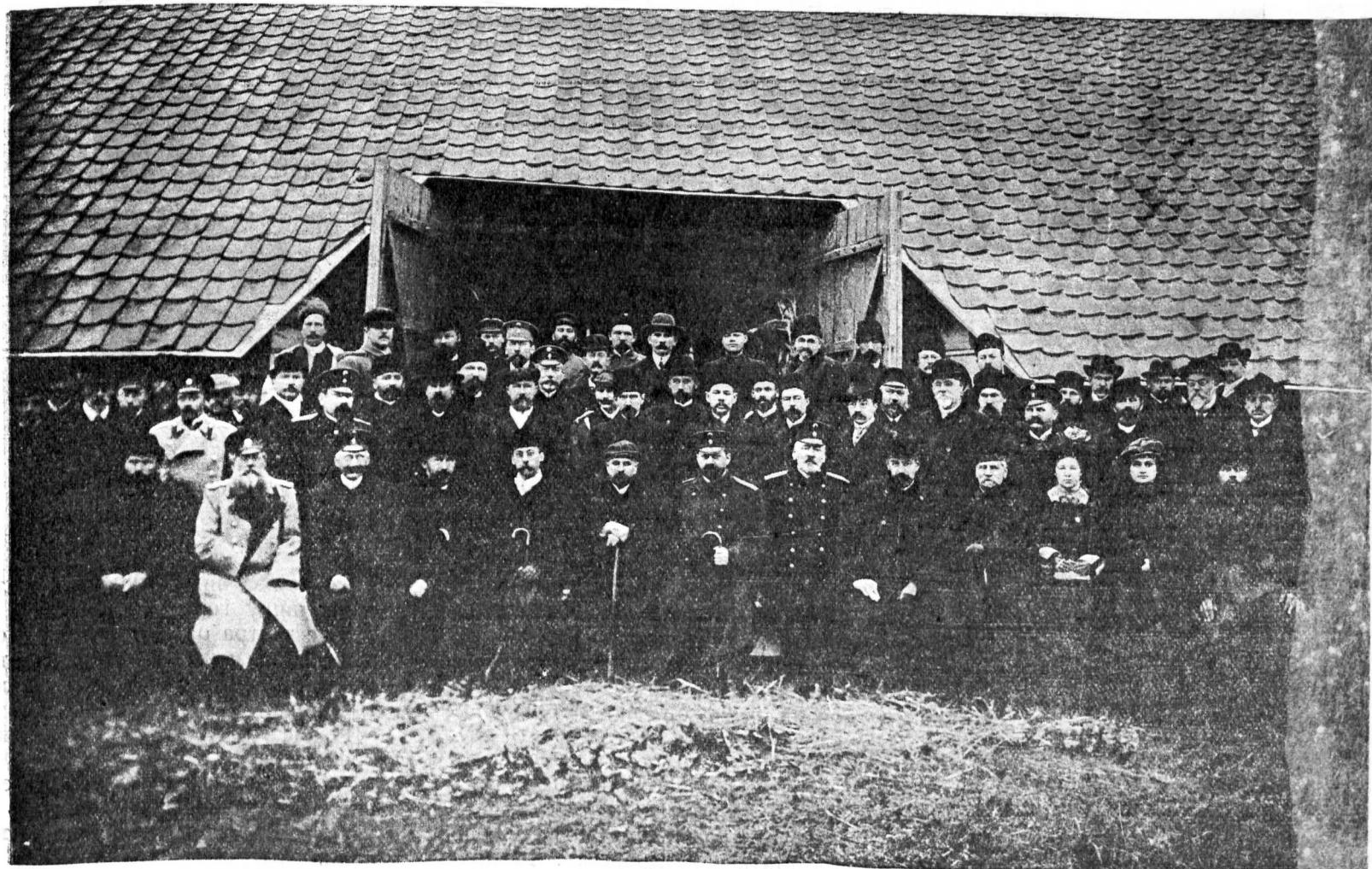
В. А.



И. А. Бунинъ,
новый почетный академикъ по отдѣлу изящной словесности.



Н. Н. Златовратскій,
новый почетный академикъ по отдѣлу изящной словесности.



XXV-лѣтие Полтавского опытного поля.
Группа почетныхъ гостей у клуна на опытномъ полѣ.



Комитет литературного фонда.

Въ годъ его основания, 8 ноября 1859 г.

Сидятъ: А. В. Никитенко, А. А. Краевский, Е. П. Ковалевский (предсѣдатель), И. С. Тургеневъ, К. Д. Кавелинъ и А. Д. Галаховъ. Стоятъ: С. С. Дудышкинъ, Е. Н. Ламанскій, А. П. Заблоцкій-Десятовскій, П. В. Анненковъ, Н. Г. Чернышевскій и А. В. Дружининъ.



Нынѣшній комитетъ литературного фонда.

А. С. Прогавинъ, С. А. Венгеровъ, В. Я. Яковлевъ-Богучарскій, Н. Ф. Анненскій (казначай), Н. И. Карьевъ (предсѣдатель), В. Д. Набоковъ (секретарь), В. Г. Котельниковъ, Л. Ф. Пантелеевъ.

СТАТИСТЪ.

(Съ нѣмецкаго).

Когда примадонна, любимица публики, вышла послѣ представлѣнія изъ театра и сѣла въ ожидавшій ее экипажъ, чтобы поѣхать домой, она бросила еще одинъ взглядъ на подъѣздъ.

— Такъ, это опять онъ. Съ поднятымъ воротникомъ, съ низко надвинутой на лобъ шляпой стоялъ онъ въ тѣни у колонны подъѣзда. Но она

узнала его, ей даже казалось, что она и теперь видѣть его глаза, эти страшные, тоскующіе глаза, первые обратившіе ея вниманіе на этого страннаго обожателя.

Полуразсердившись, полуразвеселившись, она откинулась на подушки экипажа, и лошади понеслись.

Этотъ господинъ, очевидно, безумно влюбленъ въ нее! Гдѣ лишь находить возможность, онъ пересѣкаетъ ей дорогу, подкарауливаетъ, хотя, впрочемъ, ни разу открыто ей не назывался.

А, можетъ быть, онъ изъ-за того лишь и сталъ статистомъ, чтобы имѣть возможность быть въ ея близости, въ недоступной для него инымъ путемъ близости къ знаменитой артисткѣ.

Курьезно, очень курьезно! Но оно можетъ стать и неудобнымъ. Разраженная его пристальнымъ взглядомъ, она однажды на сценѣ чуть было не потеряла нити своей роли. Да и люди, обладающіе такими глазами, способны надѣлать не мало глупостей. Но она не изъ той категоріи героинь подмостковъ, которымъ доставляется удовольствіе сознаніе, что мужчины тво-

рять изъ-за нихъ глупости, доставляющей пищу городской сплетнѣ.

Уже завтра она поговорить съ режиссеромъ и попросить его, если возможно, освободить ее отъ этого поклонника.

Режиссеръ улыбнулся, услыхавъ ея требованіе.

— Вы даже хотите лишить его невинного удовольствія обожать васъ издали. Вѣдь, это не причиняетъ вамъ боли.

— Но это раздражаетъ меня, мѣша-
етъ!—вразила она, раздраженная.

— Если бы вы только видѣли его глаза!

— «Глаза въ дивномъ безуміи го-
рящіе»,—шутіль режиссеръ и попро-
силъ артистку подробнѣе описать ему наружность ея обожателя.

— Я такъ и думалъ, сказалъ режиссеръ. Онъ одинъ изъ полезнѣйшихъ моей гвардіи—бывшій студентъ, а теперь все, что угодно. Желаете ли чтобы я приговорилъ его къ повѣши-
нію, или достаточно отказать ему отъ мѣста?

— Зачѣмъ сейчасъ крайности? Вы можете придумать что-нибудь другое, отвѣтила она нетерпѣливо, но я бы не хотѣла, чтобы онъ зналъ, что я подала поводъ къ чему-либо.

— Это дѣлаетъ величайшую честь вашему прекрасному сердцу, похвалилъ режиссеръ не то серьезно, не то иронически.

И тотчасъ же послѣ репетиціи онъ позвалъ къ себѣ статиста.

— Минъ нужно поговорить съ вами наединѣ, господинъ Квендлеръ.

— Хорошо, господинъ режиссеръ, я къ вашимъ услугамъ и господинъ Квендлеръ, существо съ дивными гла-
зами, скромно поклонился.

— Вы такъ давно у насъ, что думаю, что знаю васъ хорошо. Все, что вамъ поручаются, вы отлично исполните, я поэтому рѣшилъ поручить вамъ при случѣ маленькую само-
стоятельную роль.

— О, я быль бы счастливъ! Квендлеръ положилъ руку на сердце.

— Но я вѣсъ все-таки не вполнѣ еще знаю, продолжалъ режиссеръ. Когда хотятъ пробить себѣ дорогу при театрѣ, необходимы кромѣ пониманія своего дѣла и извѣстныя качества характера. Особенно цѣнныя качествомъ считаются у насъ скрытность. Умѣете вы молчать, господинъ Квендлеръ?

Статистъ широко открылъ глаза и произнесъ съ благородной гордостью:

— Я всякому, кто сомнѣвается въ этомъ, не премину надавать пощечинъ.

— Я не сомнѣваюсь, поспѣшилъ отвѣтить режиссеръ,—я не сомнѣваюсь въ вашей благовоспитанности, но я считаю своимъ долгомъ затронуть этотъ вопросъ. Вы, вѣроятно, давно замѣтили нашу примадонну? Если вы изучали что-нибудь, быть можетъ, даже медицину, вы должны умѣть легко отличать искусственное отъ естественного; одного взгляда должно быть достаточно для васъ, чтобы определить, что естественно и что поддѣльно.

— Въ этой женщины нѣть ничего поддѣльного!—съ паѳосомъ проговорилъ статистъ.

— Ну, ну! будемъ откровенны—немного все-таки есть. Носъ! Развѣ онъ не великое произведеніе искусства? Развѣ онъ не non plus ultra искус-
ственного носа?

Дивные глаза статиста выражали безсмыслицій испугъ.

— Онъ стоилъ ей, конечно, порядочную сумму, продолжалъ режиссеръ такъ быстро болтать, будто опасался дать молодому человѣку время опомниться,—но зато онъ и поразительно похожъ на естественный носъ. И какъ выигрываетъ отъ этого ея наружность! Она, вѣдь, кажется на десять лѣтъ моложе



Ирина Энери.

Къ предстоящему ея концерту.



«Ревизоръ» на сценѣ Городскаго театра.

Двинскій (Хлестаковъ) и Вербинъ (Осипъ).

зя влюбиться, такъ какъ, если бы она хотѣла цѣловаться, случилось бы не-
частіе!

— Какой ужасъ!—глухо бормоталъ Квендлеръ.

— И она живѣтъ постоянно въ стра-
хѣ, чтобы кто-нибудь не узналь ея тайну. Она сильно беспокоится, когда даже внимательно смотрѣтъ на нее.

— Вы думаете, чтобы я...

— Возможно лучше сохранили въ тайнѣ научный интересъ, который воз-
буждаетъ въ васъ этотъ случай.

— Да, мой милый Квендлеръ! тутъ вы должны примѣнить вашу скрыт-
ность!

— Конечно! и не подумаю больше смотрѣть на нее. Я пытаю сильную антипатію къ подобнымъ вещамъ. Ис-
кусственный носъ молодой дамы ли-
шає меня всякой иллюзіи! вызы-
ваетъ у меня отвращеніе.

— У бывшаго медика?

— Я вовсе не былъ медикомъ. Я изучалъ древности и,—Квендлеръ за-
смѣялся,—если эта дѣвушка на десять
лѣтъ старше, чѣмъ кажется, я, вѣдь,
снова былъ близокъ къ изученію древ-
ности. Очень обязанъ вамъ, что от-
крыли мнѣ глаза!

— Господинъ съ тоскующими гла-
зами вѣсъ не будетъ беспокоить,—
шепнула режиссеръ молодой артист-
кѣ вечеромъ за кулисами.

— Какъ вы это устроили?

— Я употребилъ радикальное средство. Вы, вѣдь, увидите.

И средство подействовало.
Если Квендлеръ раньше искалъ близости артистки, то теперь онъ всячески старался избѣгать ее; онъ болѣе не останавливался, безнадежно влюбленный, чтобы посыпать ей нѣмое
«прости».

По прошествіи трехъ мѣсяцій
цѣвъ Квендлеръ явился къ примадоннѣ.

Онъ былъ одѣтъ по послѣдней модѣ, и его дивные глаза больше не выражали юношеской тоски, а мужественную силу воли.

И онъ рассказалъ ей, что его родственница оставила ему наслѣдство въ триста тысячъ марокъ съ условіемъ продолжать свое ученіе и достичь степени профессора, что онъ и постарался исполнить.

— Лучшіе часы, которые я провелъ при театрѣ,—закончилъ онъ свой разсказъ,—были тѣ, въ которые я наслаждался вашей дивной игрой. Я чувствовалъ потребность поблагодарить васъ лично, прежде чѣмъ уйду отсюда.

При этомъ онъ украдкой наблюдалъ ея носъ и думалъ:

— Развѣ возможно, чтобы этотъ носъ былъ искусствен-
нымъ? Вѣдь, отлично видны
жилички подъ прозрачной розо-
вой кожей.

Она подумала, что у нея на носу пятнышко, вынула платокъ и стала имъ тереть свой носъ.

Испуганный, онъ пытался помѣшать ей сдѣлать это, но носъ сидѣлъ крѣпко и сдѣлался краснымъ отъ тренія.

Не могло быть правдой и то, что эта дѣвушка на десять лѣтъ старше,



Харьковские „Соколы“.

Пирамида взрослых.

чѣмъ кажется по своему цвѣтущему виду.

И онъ рѣшилъ, что вовсе не обязанъ быть скрытымъ по отношенію къ ней и что, вообще, никому ничего не обязанъ, такъ какъ его славно одуречили.

И онъ разсказалъ ей повѣсть о носѣ, который находился на лицѣ одной прекрасной артистки и который будто бы былъ столь искусно сдѣланъ, что неизвестно походилъ на естественный носъ.

Она хотела до слезъ надѣять радикальнымъ средствомъ отучиванія режиссера и позволила, наконецъ, Квендлеру дотронуться до ея носа, дабы онъ больше не сомнѣвался.

И донынѣ, если случается, что профессоръ иногда не вѣритъ своей же нѣ, она указываетъ ему на свой изящный носъ и говоритъ:

— Это таѣ же истинно, какъ естественъ этотъ носъ...



НАУЧНЫЯ НОВОСТИ.

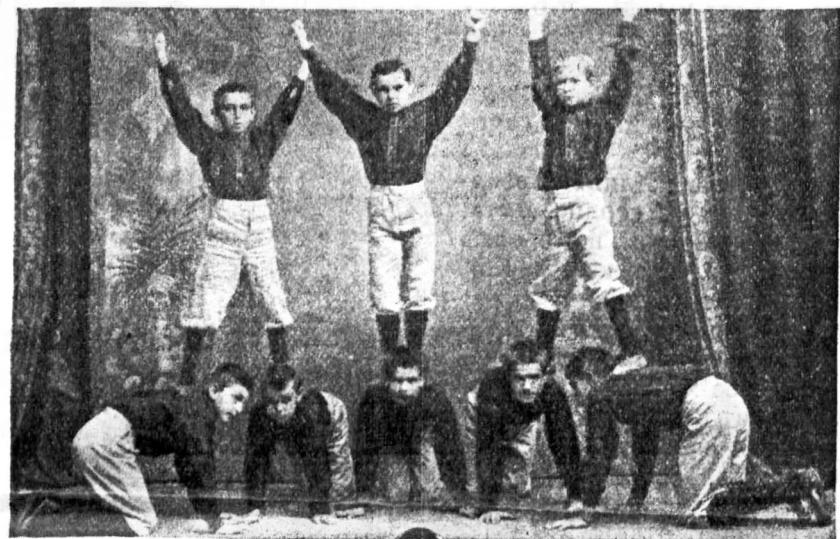
Машинный хлѣбъ.

Хлѣбъ въ булочныхъ и хлѣбопекарняхъ, и, вероятно, обыкновенно, руками булочныхъ, и безспорно, что такимъ образомъ входитъ въ него множество микробовъ. Остается узнать, въ какой степени микробы, загрязняющіе хлѣбъ, лишаются своей болѣзнетворности отъ дѣйствія печного жара. Руссель собралъ свѣдѣнія, изъ которыхъ видно, что температура мякоти хлѣба въ печи достигаетъ 103 град., а температура корки—140 град. Такая же данные получены и другими. Данная, значитъ, вѣрны и точны. Но температура эта, надо замѣтить, разрушаетъ только самихъ микробовъ, а не ихъ споры. Руссель сдѣлалъ опытъ и ввелъ въ тѣсто очень ядовитыя культуры туберкулезныхъ палочекъ, кото-



Харьковские „Соколы“.

Боксъ взрослыхъ.



Харьковские „Соколы“.

Группа мальчиковъ.

рыя послѣ испеченія хлѣба были посыпаны въ бульонѣ, а бульонъ привить былъ морскимъ свинкамъ; всѣ онѣ умерли отъ туберкулеза. Такимъ образомъ, хотя опытъ и нуждается въ пропагандѣ, онъ възвуждаетъ значительную тревогу, во всякомъ случаѣ. Мѣстъ тѣсто—это истощающій трудъ, и даже самые мускулистые хлѣбопеки въ концѣ концовъ заболѣваютъ чахоткой. Къ этому присоединяется еще дѣйствіе мучной пыли на легкія. Мы не говоримъ уже о той грязи и неопрятности, въ какой содержатся наши русскія хлѣбопекарни и булочныя въ большинствѣ случаевъ. Было бы гораздо лучше замѣнить ручную работу въ хлѣбопекарняхъ механическою. Синдикатъ парижскихъ булочниковъ напалъ, наконецъ, на эту счастливую мысль. Былъ объявленъ интернациональный конкурсъ, и представлено 14 машинъ. Изъ нихъ каждая въ три раза въ день вырабатываетъ 450 килограммовъ хлѣба. Качество хлѣба оказалось при машинномъ производствѣ одинаковымъ, какъ и при ручномъ, но зато дешевизна рабочей силы и опрятность производства дали преимущество машинѣ, и, значитъ, въ экономическомъ отношеніи ея работа предпочтительнѣе, а также и въ гигиеническомъ. Тѣмъ не менѣе, среди парижской публики упорно держится мнѣніе, будто механиче-

скій хлѣбъ вреденъ для здоровья. Ученая комиссія, снаряженная по этому поводу, нашла, что, напротивъ, механическій хлѣбъ—превосходнаго качества во всѣхъ отношеніяхъ.

Египетскія мумії.

Руфферъ, ученый, живущій въ Александріи, началъ изучать мумії въ гистологическомъ отношенії, т. е. стала изслѣдовать останки ихъ тканей и мышцъ, и ему удалось приготовить препараты кожи, гладкихъ и поперечныхъ мышцъ, сосудовъ, желудка, печени, тестикуль (мошонки), грудной желѣзы, пищевода, поджелудочной железы и почекъ, принадлежавшихъ египтянамъ, жившимъ за тысячи лѣтъ до Р. Х. Но этого мало. Посредствомъ размачивания (мацерации) этихъ препаратовъ и ихъ подробнѣйшаго изслѣдованія подъ микроскопомъ онъ доказалъ, что древніе египтяне, точно такъ же какъ и современные люди, страдали ракомъ и туберкулезомъ. Размачивалъ останки мумії Руфферъ обыкновенно въ алкоголь, въ водѣ и въ углекислой содѣ. Мацерация въ Ѣдкомъ поташѣ давала возможность приготовлять въ высшей степени отчетливо мышечные волокна.

